

Глава 39. Меч, подобный танцу дракона и феникса

Свет меча, несущий в себе алые тени мириадом летучих рыб, обрушился с небес, подобно прорвавшейся стометровой плотине, извергающей потоки воды.

Дома по обе стороны улицы один за другим рушились под яростным напором этой атаки. Вся иллюзорная формация задрожала, исказилась и готова была вот-вот рассыпаться.

Крик феникса пронзил небеса.

Холодный свет промелькнул, как молния в ночи.

Хуай Нинцзюнь поднял меч над головой, отражая удар Цю Бодэна, и его белые рукава плавно взметнулись.

Его меч был невероятно изящен, на клинке было выгравировано имя «Цаншуй».

Меч Цаншуй отразил на лбу Цю Бодэна яркий, шириной в цунь, отблеск.

Тот, несясь вниз в потоке алых рыб, был подобен демону, рождённому из огня. В его глазах читалась леденящая душу ярость. Узкие глаза феникса сверкнули в свете меча. Цю Бодэн использовал меч Цаншуй как опору, перевернулся в воздухе и приземлился за спиной Хуай Нинцзюня. Тот, не оборачиваясь, перебросил меч через плечо.

Дзынь!

Два меча снова столкнулись. Цаншуй отразил ядовитый выпад Тайи, похожий на укусы змеи.

Цю Бодэн тоже не обернулся.

Он оттолкнулся мечом Тайи от Цаншуй и снова рванулся вперёд.

Алые и белые одежды мелькнули мимо друг друга.

В одно мгновение они оба бросились вперёд, и в то же мгновение развернулись. Цаншуй был подобен снегу, Тайи — туши. Божественный феникс и алые рыбы жу стремительно сходились в бою, следуя за движениями мечей. То стая рыб поглощала белого феникса, то феникс яростным ветром от своих крыльев разгонял стаю... Небо и земля наполнились летящим снегом и брызгами крови, словно два совершенно разных бурных потока столкнулись, распевая и танцуя на грани жизни и смерти.

Хуай Нинцзюнь, казалось, был здесь не в своём истинном теле.

В иллюзорную формацию города Жу явилось лишь его воплощение, но уровень совершенствования этого воплощения был очевидно намного выше, чем у Цю Бодэна. Взмахи его меча и рукавов были подобны схождению императора в мир смертных, отчего сама земля содрогалась.

Однако искусство меча Цю Бодэна было невероятно причудливым. Он кружил, словно ветер, его меч катился, подобно глухому грому и вспышке молнии, а когда он преобразовывал свою технику, она становилась похожа на несущиеся чёрные тучи. Объединив искусство меча, снятые оковы браслета с драконом Куй и помощь миллиардов рыб жу, он не только не уступал Хуай Нинцзюню, но и со временем начал даже слегка его теснить.

Дома рушились один за другим. В небе появились алое пламя и чёрные тучи.

Небо и земля содрогались.

Иллюзорная формация стремительно разрушалась от их поединка.

Ни Цю Бодэн, ни Хуай Нинцзюнь не обращали внимания на происходящий вокруг апокалипсис.

Оба они ощущали давно забытое чувство знакомой битвы... той самой, когда они бесчисленное множество раз скрещивали мечи, словно заклятые враги, и в то же время — словно лучшие друзья. Каждое движение, каждый шаг противника были понятны без слов, без раздумий.

Облака неслись мимо них, свет скользил по их мечам. За время одного вдоха простого человека они успевали совершить несчётное количество выпадов и уклонений.

— Прорвись!

Перед самым крахом иллюзорной формации Хуай Нинцзюнь внезапно шагнул вперёд и громко крикнул.

Его стиль боя мечом резко изменился, утратив прежнюю лёгкость, подобную танцу дракона и феникса. Меч Цаншуй описал в воздухе широкий круг.

Луна!

Полная луна взошла в сумраке и с грохотом обрушилась вниз!

Серебряный свет хлынул, мгновенно озарив тысячу ли... Словно море было заточено в полной

луне, и в миг, когда луна разбилась, воды взревели и вздыбились тысячефутовыми белоснежными волнами, поглощая Цю Бодэна, улицы и всю иллюзорную формацию.

Голова пошла кругом.

Цзо Юэшэн почувствовал, как его подбросило в воздух, а затем он тяжело рухнул на каменные плиты. От удара спиной он закашлялся кровью.

— Формация прорвана! Прорвана!

Перед глазами у него потемнело. Он услышал, как рядом, кашляя, кричит Лу Цзин.

Формация прорвана?!

Цзо Юэшэн, забыв вытереть кровь, опёрся о землю и попытался встать, но перед глазами всё ещё была тьма. Кто-то грубо сунул ему в рот пилюлю и сильно ударил по спине. Глаза Цзо Юэшэна вылезли из орбит, он изо всех сил вытянул шею, и в горле у него, словно у старой черепахи, глотающей жемчужину, что-то вздулось и опало.

— Твою мать, убить меня решил?! — выругался Цзо Юэшэн.

Пилюля подействовала, и зрение наконец прояснилось.

Перед ним предстал знакомый Круглый алтарь, но по сравнению с тем, что было до попадания в иллюзию, всё изменилось.

Колонны четырёх ворот алтаря — восточных, западных, южных и северных — были сломаны, а перекладины обрушились. Стоявшие под ними девы-жрицы и жрецы-оракулы лежали без сознания. Серебряное озеро вокруг алтаря напоминало пруд с лотосами после бури: изящные фарфоровые чаши были разбиты вдребезги, остатки свечей плавали на поверхности, а капли воска, красные, как кровь, застыли на воде.

Более того, пять-шесть десятых всех коридоров и мостов Ведомства городских оракулов были разрушены. Туман рассеялся, дождь прекратился.

Вероятно, это был первый раз, когда в городе Жу не шёл дождь.

Цзо Юэшэн чувствовал, как голова раскалывается, словно в неё вонзили тысячи игл. Хотя он и принял пилюлю, перед глазами всё плыло. Он понимал, что это из-за того, что они побывали в

иллюзорной формации. Сражения в иллюзии, хоть и не затрагивают физическое тело, чрезвычайно изматывают дух. Если бы они пробыли там дольше, то даже без прямых атак их дух был бы просто истощён до смерти.

Цзо Юэшэн собрался с силами и, преодолевая головную боль, огляделся.

Он увидел, что этот безумец Чжоу Цзыянь с мечом в руке стоит вдалеке на поверхности воды, а его длинные волосы белее, чем у старейшины Тао. Старейшина Тао стоял напротив него, его серый халат тоже был весь в крови. Они смотрели друг на друга, не обращая внимания ни на что вокруг.

Цзо Юэшэн сначала подумал, что это старейшина Тао прорвал формацию, но, видя, как учитель и ученик стоят друг против друга с мечами наголо, готовые биться насмерть... казалось, у старейшины Тао не было сил ещё и на прорыв формации.

Значит, остаётся только...

Он обрадовался и с надеждой повернулся в поисках.

— Молодой господин Цю! Я так и знал, что ты...

— Чёрт! А он где?!

В павильоне на воде вповалку лежали и сидели несколько человек: Лу Цзин, Е Цан, монах Буду и даже бледный как призрак Лоу Цзян.

Только Цю Бодэна нигде не было.

— Может, в воду упал? — панически предположил Лу Цзин, заглядывая в озеро. — Цю Бодэн плавать-то умеет?

В этот момент где-то в городе вспыхнул лунный свет, озарив половину неба. Этот свет мгновенно пронёсся над всем городом Жу, и невидимое давление обрушилось на плечи всех присутствующих. Цзо Юэшэн, только что вставший на ноги, не успев даже пикнуть, с глухим стуком снова рухнул на колени.

Кроме старейшины Тао и Чжоу Цзыяня, никто не мог устоять на ногах.

Старейшина Тао, стоявший напротив Чжоу Цзыяня, резко поднял голову, глядя в сторону, откуда распространялся лунный свет.

— С кем ты заключил сделку? — сурово спросил он.

Чжоу Цзыянь не ответил.

У него не было сил говорить.

Длинный и острый хвост белого феникса описал в воздухе печальную лунную дугу. Он развернулся, сложил крылья и, превратившись в луч чистого света, скрылся в мече Цаншуй. Хуай Нинцзюнь и Цю Бодэн стояли на разных концах улицы Пань, глядя друг на друга издалека. Ветер шевелил полы их одежд. За спиной Цю Бодэна, словно финальный дождь, падали искры света.

Хуай Нинцзюнь сказал:

— Я не хочу тебя убивать.

Цю Бодэн молчал.

Чёрная ци, похожая на тушь, на подоле его одежд исчезла. Кровь стекала по светлому клинку Тайи и капала в лужи дождевой воды на улице, расплываясь маленькими алыми цветами.

— Высший меч изгоняет зло.

Тихо сказал Цю Бодэн.

Меч в даосских практиках всегда считался инструментом, с помощью которого «великий мастер вершит закон, подавляя всё злое».

Меч благородного мужа умирят восемь направлений, поэтому школы бессмертных в борьбе с нечистью и отступниками всегда предпочитали использовать мечи. Среди них высшие мечи могли умирять целые континенты и изгонять тьму. В «Летописях Восточного континента» говорилось, что в школе Тайи есть древний меч, охраняющий гору, и за десять тысяч лет не было случая, чтобы злой дух завладел учеником и проник в школу. Всё потому, что меч Тайи был именно таким «высшим мечом, что вершит закон и подавляет зло».

Меч Цаншуй Хуай Нинцзюня, очевидно, тоже был «высшим мечом».

Но в отличие от потрёпанного и повреждённого Тайи, Цаншуй был в идеальном состоянии.

В последней схватке перед разрушением иллюзорной формации Хуай Нинцзюнь с помощью меча призвал дух феникса и начертал в воздухе полную луну, активировав мощь Цаншуй, очищающую реки и горы, умиряющую нечисть.

Цю Бодэн знал, как отразить этот удар.

...Горизонтальный блок, меч опущен, лезвие отводится слева направо, сила в клинке, ци пронизывает обух. После блока — скользящий удар, разворот и рубящий удар справа.

Но он не смог отразить его.

Потому что вся тёмная ци, на которую он полагался, была рассеяна светом меча ещё до удара.

Кровь продолжала капать, расцветая в лужах.

Цю Бодэн огляделся, посмотрел на падающих алых рыб жу.

Они падали в тени карнизов и колонн, их чешуя тускло мерцала. Как только в городе Жу прекратился дождь, рыбы жу были вынуждены впасть в спячку. Но если дождя не будет ещё дольше, они не просто уснут, а умрут.

Словно догоревший костёр.

Тёмная ци рассеялась, рыбы жу уснули.

Ему больше не на что было опереться.

— Я не хочу терять единственного... старого друга, который мог бы превзойти меня в искусстве меча, — спокойно сказал Хуай Нинцзюнь.

В последний момент он остановил удар, иначе Цю Бодэн сейчас не стоял бы на этой улице.

— Я же говорил, сейчас ты мне не противник.

Белые одежды Хуай Нинцзюня превратились в серебряные доспехи, его аура резко возросла. Оказывается, в бою с Цю Бодэном он даже сдерживал часть своей силы... То ли из милосердия, то ли желая спустя столько лет снова сойтись с давним другом в равном бою, как в былые времена.

— Отдай мне ключ, и уходи.

Цю Бодэн молчал.

Он вытащил меч Тайи, вонзившийся в брусчатку.

Он закрыл глаза, правой рукой сжимая рукоять, и поднёс меч к груди.левой рукой он медленно обхватил лезвие, бледные пальцы один за другим сжались на нём. Рваные края клинка впились в плоть, кровь покатилаь по холодному железу, но не капала вниз, а впитывалась в меч. Он медленно провёл левой рукой по клинку, слева направо, омывая Тайи своей кровью.

Движения были очень странными.

Словно древний ритуал.

Жертвоприношение.

Выражение лица Хуай Нинцзюня слегка изменилось:

— Ты жить не хочешь?

Он двинулся с места, инстинктивно желая остановить Цю Бодэна.

Цю Бодэн открыл глаза.

Встретившись с этим тёмным, как смоль, взглядом, Хуай Нинцзюнь замер. На мгновение он не мог понять, помнит ли человек перед ним всё или нет.

Чешуя жизни в уголке глаза Цю Бодэна вспыхнула огнём.

Улица снова загорелась.

Одна за другой алые рыбы жу снова вылетели из тени. Их тени переплетались за спиной Цю Бодэна, озаряя вечность. Они кружили, парили, и вместе с Цю Бодэном вспыхнули самым захватывающим алым светом.

— Ты безумен! — голос Хуай Нинцзюня был хриплым.

— Я давно уже безумен.

Цю Бодэн громко рассмеялся.

Он забыл о жизни, забыл о смерти, забыл о текущей крови, забыл о холодном лезвии, входящем в плоть.

Он просто смеялся, словно во сне, словно пьяный. Свет алой чешуи скользил по его чистому, как снег, лицу, создавая причудливый и яркий узор, подобный древней картине. Из этой яркости рождались кровь и огонь, зажигая текущие годы... в этих одиноких годах он был один.

Духовная марионетка из дерева Жо внезапно сама выпала из его рукава.

Вырезанные на ней руны вспыхнули, словно кто-то активировал тайное искусство, вложив в него силу, превышающую возможности этих рун. В тот миг, когда ритуал омовения меча кровью должен был завершиться, налетел сильный ветер, и деревянная кукла на ветру превратилась в молодого человека.

Едва появившись, он тут же схватил окровавленную руку Цю Бодэна.

<http://bllate.org/book/16967/1589345>